

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2014 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/arkhestov-i-drugie-protiv-rossii-arkhestov-and-others-v-russia/>)
Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC
Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2014 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “АРХЕСТОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 22089/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 января 2014 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ

16 апреля 2014 г.

В текст постановления могут быть внесены редакторские изменения.

В деле «Залов и Хакулова против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Председатель*,

Мириана Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранке,

Линос-Александр Сицилианос,

Эрик Мёсе,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 декабря 2013 г. совещание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, которое было утверждено в тот же день.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано 10 апреля 2007 г. жалобой (№22089/07) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») семью гражданами Российской Федерации: Хусеном Кадировичем Архестовым, Кулисум Жантугановной Балкизовой, Асият Кунаковной Гузиевой, Аскарби Хамидовичем Жекамуховым, Арсеном Хажматсафовичем Туковым, Марией Латифовной Хурановой и Людой Хажмурадовной Шогеновой ("заявители").

2. Интересы заявителей представляли г-н О.Э.Солванг, г-н Р.Лемэтр, г-жа А.Мальцева, г-жа Е.Ежова, г-н А.Николаев, г-н Г.Аветисян, г-жа Д.Боярчук, г-н Д.Ицлаев, г-жа В.Коган и г-н А.Сакалов, юристы «Правовой инициативы по России» (г. Москва) и адвокат г-жа Л. Дорогова, практикующий в г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика. Интересы российского правительства ("государство-ответчик") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, в частности, что обстоятельства опознания тел их умерших родственников были бесчеловечными и унижающими достоинство, что решение властей не возвращать эти тела их семьям было незаконным и непропорциональным, что является нарушением статей 3, 8 и 9, взятой отдельно и в сочетании со статьями 13 и 14 Конвенции.

4. 31 августа 2009 г. жалоба была коммуницирована государству-ответчику.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Нападение 13 октября 2005 года

5. Рано утром 13 октября 2005 г. правоохранительные органы города Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика (КБР), были атакованы группой вооруженных лиц, по-видимому, местными повстанцами. В числе правоохранительных структур, подвергшихся нападению, Министерство внутренних дел Республики, Центр «Т» Главного

управления Министерства внутренних дел РФ, несколько отделений внутренних дел, отряд милиции особого назначения Министерства внутренних дел, Управление Федеральной службы безопасности КБР, Управление Федеральной службы исполнения наказаний, управление Пограничной службы ФСБ, а также несколько оружейных магазинов. По мнению Правительства, в нападении участвовали более 250 человек.

6. Перестрелка между представителями государства и повстанцами продолжалась до 14 октября 2005 г.

В. Семейные связи между личностями заявителей и погибших.

7. Первый, вторая, третья, пятый и седьмая заявители утверждают, что они являются родственниками людей, чьи тела были найдены после событий 13 и 14 октября 2005 г. (см. пункты 8, 9, 10, 12 и 14 далее). Четвертый заявитель утверждает, что его сын был убит представителями государства в селе Анзорей, Ленинский район, Республика Кабардино-Балкария 6 января 2006 г. (см. пункт 11 далее). Шестая заявительница утверждает, что ее сын был убит представителями государства в г. Нальчик 12 ноября 2005 г. (см. пункт 13 далее). Все заявители живут в Республике Кабардино-Балкария и, за исключением специально указанных случаев, они являются жителями г. Нальчик.

8. Первый заявитель г-н Хусен Кадирович Архестов, 1954 г.р., заявляет о смерти его сына г-на Лекмана Хусеновича Архестова, который родился 30 декабря 1989 г.

9. Вторая заявительница г-жа Кулисум Жантугаровна Балкизова, 1956 г.р., заявляет о смерти ее сына г-на Кантемира Сафудиновича Балкизова, который родился 29 марта 1982 г.

10. Третья заявительница г-жа Асият Кунаковна Гузиева, 1976 г.р., заявляет о смерти ее мужа г-на Арсена Гумаровича Маргушева, который родился 6 января 1979 г.

11. Четвертый заявитель г-н Аскарби Хамидович Жекамухов, 1955 г.р., заявляет о смерти его сына г-на Альберта Аскарбиевича Жекамухова, который родился 23 ноября 1980 г.

12. Пятый заявитель г-н Арсен Хажмастафович Туков, 1939 г.р., заявляет о смерти его сына г-на Анатолия Арсеновича Тукова, который родился 3 августа 1974 г.

13. Шестая заявительница г-жа Мария Латифовна Хуранова, 1955 г.р., которая живет в селе Шалушка, заявляет о смерти ее сына г-на Азамата Анатольевича Браева, который родился 29 июля 1975 г.

14. Седьмая заявительница г-жа Люда Хажмурадовна Шогенова, 1965 г.р., которая родилась в селе Залукокоаже, заявляет о смерти ее брата Аслана Хажмурадовича Шогенова, который родился 26 января 1965 г.

15. Государство-ответчик не оспаривало эту информацию.

С. Уголовное дело №25/78-05

1. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении событий 13 октября 2005 г.

16. Предполагается, что 13 октября 2005 г. власти возбудили уголовное дело № 25/78-05 по факту вооруженного нападения на Нальчик.

17. Следствием было установлено, что в период с конца 1999 года по февраль 2005 года группа людей, включая Аслана Масхадова, Шамиля Басаева, И.Горчиханова, А.Астемирова, Абу-Валида Хаттаба и Абу

Дзейта создали преступное сообщество. Именно эта группа спланировала нападение. В результате были убиты тридцать пять сотрудников правоохранительных органов и пятнадцать лиц гражданского населения, вред различной степени тяжести нанесен ста тридцати одному сотруднику правоохранительных органов и девяноста двум гражданским лицам, кроме того, причинен значительный имущественный ущерб.

18. Заявители не имели никакого процессуального статуса по уголовному делу №25/78-05.

2. Запросы заявителей властям на начальной стадии расследования

19. Сразу после нападения заявители по данному делу (за исключением некоторых) подали несколько запросов в различные государственные инстанции, включая прокуратуры, с просьбой выдать им тела их родственников.

20. В период с конца октября 2005 г. и, по крайней мере, до апреля 2006 г. заявители получили ответы из прокуратуры и других органов власти, в которых говорилось, что они получают конкретные ответы на свои запросы, как только расследование будет завершено.

21. Попытки некоторых заявителей оспорить эти ответы в национальных судах оказались безуспешными, так как они были отклонены как преждевременные как в суде первой инстанции, так и в апелляционной инстанции.

3. Постановления о прекращении уголовного преследования сыновей заявителей от 13 апреля 2006 г.

22. 13 апреля 2006 г. органы следствия прекратили уголовное преследование в отношении сыновей заявителей по причине смерти и вынесли индивидуальное постановление в отношении каждого из погибших. В каждом постановлении были описаны степень и характер их индивидуальной причастности к делу и даны заключения о том, что эти лица принимали участие в нападении и погибли в результате ответного удара. Это означает, что погибшие, на которых ссылаются заявители, были в числе тех, в отношении кого были вынесены эти постановления.

23. В отношении сына первого заявителя Лекмана Хусеновича Архестова было установлено, что он принимал участие в нападении 13 октября 2005 г. Он умер в перестрелке, произошедшей в ходе попытки боевиков штурмовать здание управления Федеральной службы исполнения наказаний.

24. В отношении сына второго заявителя Кантемира Сафудиновича Балкизова было установлено, что он принимал участие в нападении 13 октября 2005 г. Он умер в перестрелке, произошедшей в ходе попытки боевиков штурмовать здание Министерства внутренних дел.

25. В отношении мужа третьей заявительницы Арсена Гумаровича Маргушева установлено, что он принимал участие в нападении 13 октября 2005 г. Он умер в перестрелке, произошедшей в ходе попытки боевиков штурмовать здание Министерства внутренних дел.

26. В отношении сына четвертого заявителя Альберта Аскарбиевича Жекамухова было установлено, что он принял участие в нападении 13 октября 2005 г. и впоследствии бежал из Нальчика и ушел в подполье. Он скрывался в селе Анзорей, Ленинский район, Республика Кабардино-Балкария до 6 января 2006 года. После отказа сдаться властям, он погиб в результате неудачной попытки ареста.

27. В отношении сына пятого заявителя Анатолия Арсеновича Тукова было установлено, что он принимал участие в нападении 13 октября 2005 г. Он умер в перестрелке, произошедшей в ходе попытки боевиков штурмовать здание Министерства внутренних дел.

28. В отношении сына шестого заявителя Азамата Анатольевича Браева было установлено, что он 12 октября 2005 г. принял участие в перестрелке с сотрудниками правоохранительных органов, которая предшествовала основному удару боевиков 13 октября 2005 г. Он принадлежал к той же группе нападавших, но был убит сотрудниками милиции случайно за день до нападения.

29. В отношении брата седьмой заявительницы Аслана Хажмурадовича Шогенова было установлено, что он принял участие в нападении 13 октября 2005 г. Он погиб в перестрелке, произошедшей в ходе попытки боевиков штурмовать здание Министерства внутренних дел.

30. Генеральная прокуратура письменным уведомлением сообщила заявителям об этих постановлениях 14 апреля 2006 г., но копии самих постановлений не были приклеены к уведомлению.

31. В ходе рассмотрения дела в Страсбурге государство-ответчик представило копии постановлений от 13 апреля 2006 г. в отношении каждого из родственников заявителей.

32. Заявители получили свидетельства о смерти их родственников::

ФИО	Дата смерти	Дата выдачи свидетельства о смерти	Причина смерти
1. Лекман Хусенович Архестов	13/10/2005	19/07/2007	Множественные огнестрельные ранения головы, груди и конечностей
2. Кантемир Сафудинович Балкизов	13/10/2005 6/11/2005	Нет данных	
3. Арсен Гумарович Маргушев	13/10/2005	17/11/2005	Нет данных
4. Альберт Аскарбиевич Жекамухов	6/01/2006	9/06/2006	Кровопотеря, Множественные огнестрельные ранения головы, груди и конечностей
5. Анатолий Арсенович Туков	13/10/2005	7/12/2005	Нет данных
6. Азамат Анатольевич Браев	12/10/2005	3/07/2007	Кровопотеря, Множественные огнестрельные ранения головы, груди и конечностей
7. Аслан Хажмурадович Шогенов	13/10/2005	13/01/2006	Нет данных

4. Постановление от 15 мая 2006 г. о невыдаче тел погибших семьям.

33. Государство-ответчик заявило, что девяносто пять тел предполагаемых террористов были кремированы 22 июня 2006 г. Из дополнительных замечаний, поданных заявителями, следует, что они впервые узнали о кремации из Меморандума Правительства по данному делу.

34. Согласно Правительству, кремация была проведена в соответствии с постановлением о невыдаче тел погибших их семьям, датированным 15 мая 2006 г. В отличие от отдельных решений от 13 апреля 2006 г., в постановлении от 15 мая 2006 г. все умершие перечислены общим списком. В постановлении говорилось, в частности:

“... Руководитель следственной группы... [следователь С.], рассмотрев материалы уголовного дела №25/78-05, установил: ... [что] в ходе проведения антитеррористической операции по отражению нападения, с целью пресечения совершаемого террористического акта были уничтожены 95 террористов, а именно:

[В постановлении перечислены имена всех погибших, чьими родственниками являются заявители, указанные в приложении].

В настоящее время все судебные экспертизы, в том числе и молекулярно-генетические, сопряженные с исследованием трупов погибших террористов, окончены, и личность каждого из них установлена в процессуальном порядке.

Постановлением от 13-14 апреля 2006 г. уголовное преследование в отношении 95 лиц, совершивших вышеуказанные преступления, в том числе террористическое нападение на объекты и сотрудников правоохранительных органов г. Нальчика, а также гражданских лиц и ликвидированных в результате пресечения совершенного ими террористического акта, прекращено в связи с их смертью на основании п.2 ч.1 ст. 27 и п.4. ч.1 ст. 24 УПК РФ.

В соответствии со ст.14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» №8-ФЗ «погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Тела указанных лиц для захоронения не выдаются, и о месте их захоронения не сообщается».

В соответствии с пунктом 3 Положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26.03.2003 г. №164 «О погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта»: «Погребение лиц, уголовное преследование которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенной ими террористической акции, осуществляется по месту наступления смерти специализированными службами по вопросам похоронного дела, создаваемыми органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления...»

[На основании вышеизложенного, следователь С. постановил:]

1. Захоронить трупы 95 террористов...;
2. Постановление для исполнения направить Президенту Кабардино-Балкарской Республики;
3. О принятом решении сообщить заместителю Генерального прокурора РФ”.

35. Государство-ответчик утверждало, что власти уведомили заявителей о постановлении от 15 мая 2006 г., но признало, что ни одна копия этого постановления не была им представлена.

36. По всей видимости, в ряде случаев Генеральная прокуратура сообщила заявителям об отказе выдать тела. Но это не означает, что заявители получили копию постановления от 15 мая 2006 г.

5. Попытки заявителей оспорить постановления в судебном порядке

37. Заявители попытались сначала добиться пересмотра постановлений от 13 апреля и 15 мая 2006 г. в судебном порядке, но безрезультатно, так как суды отказались рассматривать их аргументы.

(а) Рассмотрение дела в Конституционном суде

38. Родственники погибших, которые приняли участие в нападении 13 октября 2005 г., подали жалобы в Конституционный суд, оспаривая легитимность положений о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения террористического акта.

39. 28 июня 2007 г. Конституционный суд вынес постановление (№8-Р), в котором заявителям было отказано в удовлетворении их жалоб на то, что Статья 14.1 Федерального закона РФ «О погребении и похоронном деле» и Положение №164 Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 г. противоречат Конституции. Постановление гласит, в частности, что предпринятые в данном деле меры были допустимыми и - при данных обстоятельствах — необходимыми и законными. Конституционный Суд пришел к следующим выводам относительно законности целей и необходимости применения названного закона в данном случае:

«... Вместе с тем интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическому акту, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей, могут обуславливать в определенных конкретно-исторических условиях установление особого правового регулирования погребения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения террористического акта, как это предусматривается статьей 14 Федерального закона «О погребении и похоронном деле». Ее положения логически связаны с содержанием пункта 4 Рекомендации 1687 (2004) от 23 ноября 2005 г. Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с терроризмом средствами культуры», в котором подчеркивается, что экстремистская интерпретация элементов той или иной культуры или религии, таких как героическая мученическая смерть, а также светских идеологий (национальных и революционных) также может использоваться для оправдания террористических актов.

3.2. Минимизация информационного и психологического воздействия, оказанного на населения террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта, является одним из необходимых способов защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, т.е. преследует именно те цели, с которыми Конституция Российской Федерации и международно-правовые документы связывают допустимость ограничения соответствующих прав и свобод.

Захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отданием почестей как символу, к объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой — оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки нагнетания межнациональной и религиозной розни.

В конкретных условиях, сложившихся в Российской Федерации в результате совершения серии террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы, вызвавших широкий негативный общественный резонанс и оказывавших огромное влияние на массовой общественное сознание, выдача родственникам для захоронения тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, правам и законным

интересам других лиц, их безопасности, в том числе привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что можно повлечь за собой новые жертвы, а места захоронения участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность.

При таких обстоятельствах федеральный законодатель был вправе ввести особый порядок погребения лиц, чья смерть наступила в результате пресечения террористического акта, участниками которого они являлись...»

40. В постановлении далее говорится, что право на обжалование законности и эффективности действий и решений органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора и суда имеют не только участники уголовного процесса, но и те, чьих интересов это касается. Суд указывает, что этот принцип нашел отражение в Статьях 123-127 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

41. В итоге суд представил так называемое конституционно-правовое истолкование оспариваемых положений, и в то же время интерпретировал их как требование дожидаться окончания расследования до принятия решения о том, возвращать ли тела. В соответствующей части постановления говорится:

«Данные нормы, по своему конституционно-правовому смыслу, предполагают возможность обжалования в судебном порядке постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении принимавших участие в совершении террористического акта лиц в связи с их смертью и, соответственно, обязанность суда рассмотреть такую жалобу по существу, т. е. проверить законность и обоснованность постановления, содержащихся в нем выводов об участии этих лиц в террористическом акте, установить отсутствие реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела и тем самым – правомерность применения указанных ограничительных мер; до вступления решения суда в законную силу тела (останки) погибших не могут быть погребены; соответствующие государственные органы и должностные лица обязаны принимать необходимые меры для того, чтобы погребение производилось с соблюдением обычаев и традиций, в частности посредством предания тел (останков)... по возможности индивидуально, и чтобы этому предшествовало соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего (при невозможности – предоставления идентификационных данных), времени и места смерти, причины смерти».

42. Судья Г.А. Гаджиев выразил особое мнение, в котором он одобрил основные выводы суда о конституционно-правовом истолковании оспоренных правовых норм, но не согласился с мотивами и степенью его применения *de facto*. Он указал на следующее:

«...если соответствующие правоохранительные органы, констатируя в результате проведенного предварительного следствия факт совершения террористической акции и причастность к ней лица, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого прекращено в связи с его смертью, наступившей в результате пресечения совершенного им террористического акта, придут к выводу, что выдача тела этого лица его родственникам для захоронения способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, здоровью или нравственности, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, они вправе вынести решение об отказе в выдаче тела и о применении особого порядка захоронения.

При этом в случае отказа выдать тело лица, чья смерть наступила в результате пресечения совершенного им террористической акции, принимающие решение о его захоронении органы должны обеспечить соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего, времени и места

смерти, причины смерти, указания места погребения и данных, необходимых для опознания могил (определенная территория, номер). Захоронение должно быть произведено с участием родственников с соблюдением обычаев и традиций, а также гуманитарных правил уважения к мертвым. Административные власти правового государства должны уважать культурные ценности мультинационального общества, передаваемые из поколения в поколение...»

43. Судья А.Л.Кононов выразил особое мнение, в котором он характеризует обсуждаемый закон как однозначно безнравственный, незаконный и в целом противоречащий Конституции. В частности, он заметил:

«...Оспариваемые нормы, запрещающие выдачу тел погибших и устанавливающие анонимность их захоронения, являются абсолютно аморальными, отражающими самые дикие, варварские и низменные представления прошлого...

Едва ли требует особого обоснования или даже письменного закрепления в законе право каждого человека быть похороненным достойным образом в соответствии с традициями и обычаями его рода. Это право, очевидно, и вытекает из человеческой природы как, может быть, никакое другое из естественных прав. Столь же естественно и бесспорно право каждого осуществить погребение родного и близкого человека, иметь возможность проявить свой моральный долг и человеческие чувства, проститься, скорбеть, оплакивать и поминать умершего, каким бы он ни был для общества и государства, иметь право на могилу, которая во всех цивилизациях представляет сакральную ценность и символ памяти...»

(b) Последующее судопроизводство по делу

44. После вынесения Конституционным судом постановления от 28 июня 2007 г. национальные суды, по всей видимости, изменили свой подход и формально пересмотрели законность постановлений от 13-14 апреля и 15 мая 2006 г.

45. Заявители оспорили действия властей в судебных разбирательствах.

Решение Нальчикского городского суда первой инстанции	Кассационное определение Верховного суда Республики Кабардино- Балкария	
Первый заявитель	14/09/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.)	4/12/2007 (оставил в силе)
	16/11/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.) 20/5/2008 (оставил в силе)	
Вторая заявительница	6/11/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.)	Решение не было обжаловано и вступило в законную силу 16 ноября 2007 г.
Третья заявительница	19/11/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.) 25/1/2008	
Четвертый заявитель	27/12/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.)	1/04/2008
Пятый заявитель	19/11/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.)	25/1/2008
Шестая заявительница	19/11/2007 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.) 25/1/2008	
Седьмая заявительница	28/01/2008 (отменил постановление от 13 апреля 2006 г.)	11/03/2007

46. В результате вышеперечисленных судебных разбирательств заявители добились частичной отмены решений от 13 апреля и 15 мая 2006 г. Очевидно, что национальные суды впоследствии изменили свою позицию, и соответствующие решения затем были отменены в порядке надзора. После этого суды все еще не могли рассмотреть вопрос о необходимости применения мер, изложенных в разделе 14 (1) Закона «О погребении и похоронном деле» и п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 года, к конкретным случаям.

Д. Условия хранения тел погибших в результате нападения 13 октября 2005 г.

47. По утверждениям родственников погибших, которые приняли участие в процедуре опознания через несколько дней после событий 13 и 14 октября 2005 года, трупы хранились в морге и в некоторых других помещениях в совершенно неудовлетворительных условиях. В частности, в помещении был сильнейший запах, и тела погибших были сложены друг на друга.

48. В ответ на запрос заявителей об условиях хранения тел погибших, Генеральная прокуратура ответила в письме от 14 апреля 2006 года, что трупы хранятся в специальном помещении, оборудованном морозильными камерами, при температуре, обеспечивающей их сохранность. Власти отказались сообщить о месте хранения трупов.

49. Согласно государству-ответчику, следующие заявители принимали участие в опознании тел погибших:

№.	Заявители	Участие в опознании
1	Хусен Кадилович Архестов	Да, 16 октября 2005 г.
2	Кулисум Жантугаровна Балкизова	Нет, в опознании участвовал брат погибшего, Рамзан Сафудинович Балкизов
3	Асият Кунаковна Гузиева	Нет, в опознании участвовала сестра погибшего, Анжела Гумаровна Маргушева
4	Аскарби Хамидович Жекамухов	Нет, в опознании участвовала мать погибшего, Фатима Магомедовна Жекамухова
5	Арсен Хажмастафович Туков	Нет, тело было опознано в результате генетической экспертизы
6	Мария Латифовна Хуранова Нет, в опознании участвовал Анатолий Баширович Браев	
7	Люда Хажмурадовна Шогенова	Да, 20 октября 2005 г.

50. По словам заявителей, они получили доступ к телам как в морге города Нальчик, так и в двух вагонах-рефрижераторах, расположенных на территории, принадлежащей Министерству внутренних дел. Получение заявителями доступа к телам было случайным, и не все, кто хотел принять участие в процедуре опознания, получили разрешение. В ряде случаев доступ к телам не было документирован должным образом. В связи с тем, что границы объектов, в которых находились тела, были ограничены то, как правило, тела были окружены толпой родственников погибших.

51. Государство-ответчик указало, что сразу после завершения осмотров мест происшествий тела были направлены в морг г. Нальчика. В период с 14 по 18 октября 2005 г. перед проведением судебно-медицинских экспертиз были проведены осмотры трупов и изъята одежда. После завершения экспертиз тела были помещены в два вагона-рефрижератора, имеющих необходимое оборудование для длительного хранения тел, после чего они были вывезены в г. Ростов-на-Дону для проведения молекулярно-генетических экспертиз. Правительство также указало, что сразу после нападения не было возможности обеспечить надлежащие хранение тел, что и было отражено в видеозаписи, представленной заявителям.

52. Согласно последнему Меморандуму Правительства, общее число пострадавших в результате событий 13 октября 2005 года составило двадцать гражданских лиц, тридцать пять полицейских и сотрудников правоохранительных органов и восемьдесят семь участников нападения.

53. Обобщение применимого национального права приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others v. Russia*, № 38450/05, §§ 33-37 и 65-90, ECHR 2013 (выдержки) и *Maskhadova and Others v. Russia*, № 18071/05, §§ 116-146, 6 июня 2013 г.

III. ДРУГИЕ ПРИМЕНИМЫЕ ИСТОЧНИКИ

54. Обобщение других применимых источников, на которые ссылаются заявители, приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 91-96 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 147-150.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

55. Заявители жаловались на условия, в которых тела их родственников хранились в ходе опознания. Заявители утверждали, что такое обращение со стороны властей причинило им моральные страдания, которые могут быть квалифицированы в качестве нарушения статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечным и унижающим достоинство обращению и наказанию”.

A. Доводы сторон

56. Государство-ответчик не согласилось. Оно утверждало, что после событий тела были сначала направлены в морг г. Нальчика, где с них сняли одежду и направили ее на экспертизу. Затем тела были помещены в два вагона-рефрижератора, имеющих необходимые условия для хранения тел. Через некоторое время тела были вывезены в г. Ростов-на-Дону для проведения генетической экспертизы. Государство-ответчик признало, что сразу после нападения обеспечить надлежащее хранение тел не было возможным и именно это, скорее всего, отражено в видеозаписи, представленной заявителями. Государство-ответчик также отметило, что участие в процедуре опознания было добровольным.

57. Заявители поддержали свои жалобы. Они утверждали, что условия хранения тел погибших были бесчеловечными и унижающими достоинство самих заявителей и их умерших родственников.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

58. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а). Общие принципы

59. Суд неоднократно отмечал, что в статье 3 закреплена одна из основополагающих ценностей демократического общества. Конвенция налагает абсолютный запрет на применение пыток или жестокого и унижающего достоинство обращения и наказания даже в самых тяжелых обстоятельствах, каковыми являются борьба с терроризмом и организованной преступностью. В отличие от большинства материальных норм Конвенции и Протоколов к ней, статья 3 не допускает исключений; невозможно и отступление от предусмотренных в ней обязательств на основании статьи 15 даже в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации (см., среди других источников, *Aksoy v. Turkey*, 18 декабря 1996 года, §62, *Сборник постановлений и решений* 1996-VI). Плохое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости для того, чтобы попасть в сферу действия статьи 3. Оценка минимального уровня жестокости относительна; она зависит всех обстоятельств дела, в частности, длительности обращения, его физических и психологических последствий и, в некоторых случаях, пола, возраста и состояния здоровья пострадавшего (см., среди других источников, *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978 г., § 162, Серии А № 25).

60. В отношении жалоб на моральные страдания, подаваемых в рамках статьи 3 родственниками предполагаемых жертв специальных операций, проводимых властями, Суд избрал ограничительный подход, указав, что хотя член семьи «исчезнувшего человека» также может считаться жертвой обращения, запрещенного статьей 3 (см. *Kurt v. Turkey*, 25 мая 1998 г., §§ 130-34, *Сборник* 1998-III), этот принцип, как правило, не применяется в ситуациях, когда задержанный был впоследствии обнаружен мертвым (см., например, *Tanli v. Turkey*, № 26129/95, § 159, ECHR 2001-III; *Yasin Ateş v. Turkey*, № 30949/96, § 135, 31 мая 2005 г.; и *Bitiyeva and Others v. Russia*, № 36156/04, § 106, 23 апреля 2009 г.). В таких делах, Суд, как правило, ограничивался выводами в рамках статьи 2. С другой стороны, Суд приходил к выводу о нарушении статьи 3 в связи с моральными страданиями, пережитыми заявителями в результате действий сил безопасности, которые сожгли их дома и имущество у них на глазах (см. *Selçuk and Asker v. Turkey*, 24 апреля 1998 г., §§ 77-80, *Сборник* 1998-II; *Yöyler v. Turkey*, № 26973/95, §§74-76, 24 июля 2003 г. и *Ayder and Others v. Turkey*, № 23656/94, §§109-11, 8 января 2004 г.).

61. В заключение, Суд напоминает о позиции, устоявшейся в его прецедентном праве, согласно которой утверждения о плохом обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами (см., *mutatis mutandis*, *Klaas v. Germany*, 22 сентября 1993 г., § 30, Серии А no. 269). Суд использует стандарт «вне разумного сомнения» для оценки доказательств, но добавляет, что вывод о доказанности может следовать из сосуществования достаточно значимых, четких и согласующихся между собой умозаключений либо аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см. *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, § 161).

(b). Применение указанных принципов

62. Стороны не оспаривали, что с 14 по 18 октября 2005 г. тела погибших в результате событий 13-14 октября 2005 г. хранились в морге г. Нальчика, а с 19 по 31 октября 2005 они были помещены в вагоны-

рефрижераторы в пригороде г. Нальчика (см. пункты 48-50 и 51 выше). Также не оспаривается, что общее число погибших в результате нападения сильно превышало вместимость местных учреждений и что в первые четыре дня некоторые тела приходилось хранить на улице.

63. Суд не сомневается в том, что заявители, как родственники погибших, могли испытывать моральные страдания в связи с условиями хранения тел. Те, кто изъявил желание лично участвовать в опознании, испытали еще более сильные страдания. По информации, находящейся в распоряжении Суда, первый заявитель Хусен Кадинович Архестов и седьмая заявительница Люда Хажмурадовна Шогенова лично участвовали в опознании (см. пункт 49 выше).

64. Задача Суда состоит в том, чтобы с учетом конкретных обстоятельств дела определить, были ли у этих страданий характеристики, обуславливающие необходимость применения к ним статьи 3 Конвенции.

65. Во-первых, Суд отмечает, что в данное дело отличается от дел по жалобам, поступившим в Суд от членов семьи жертв «исчезновений» и внесудебных казней, совершенных силами безопасности (см., например, *Luluyev and Others v. Russia*, № 69480/01, §§116-118, ECHR 2006-XIII (выдержки)). В данном деле родственники заявителей погибли не в результате действий властей, нарушающих статью 2 Конвенции (ср., например, *Esmukhambetov and Others v. Russia*, № 23445/03, §§138-151 и 190, 29 марта 2011 г.). Нельзя сказать, что заявители страдали от продолжительной неизвестности в отношении судьбы своих родственников (ср. *Luluyev and Others*, цит. выше, §§ 116-118).

66. Суд далее отмечает, что данное дело также отличается от турецких дел, касающихся преднамеренного уничтожения имущества на глазах у заявителей. В частности, в деле *Selçuk and Asker* Суд учел способ, которым были уничтожены дома заявителей, а именно, тот факт, что это было сделано умышленно, с презрением и без уважения к чувствам заявителей, возражения которых были проигнорированы (см. *Selçuk and Asker*, цит. выше, § 77), и в связи с этим пришел к выводу о том, что действия сил безопасности можно квалифицировать в качестве «бесчеловечного обращения» по смыслу статьи 3 Конвенции. Схожая мотивировка имплицитно присутствует в делах *Yöyler* и *Ayder and Others* (оба дела цит. выше). В указанных делах силы безопасности сожгли дома и имущество заявителей с целью причинить им моральные страдания, что позволило Суду прийти к выводу о нарушении статьи 3 по этому эпизоду.

67. В настоящем деле, однако, у Суда отсутствуют доказательства, которые позволяли бы прийти к такому же выводу. Верно - и государство-ответчик не отрицает - то, что в первые четыре дня в соответствующих местных учреждениях, предназначенных для хранения трупов в охлажденных условиях, не хватало мест для хранения всех тел (см. пункт 51 выше), а также и то, что после этого тела пришлось положить друг на друга для хранения в вагонах-рефрижераторах (см. пункты 47 и 50 выше). Однако эти упущения имели место из-за объективных логистических сложностей, возникших в связи с характером событий 13-14 октября, а также с количеством погибших; нельзя сказать, что они имели целью подвергнуть заявителей бесчеловечному обращению, в частности, причинить им психологические страдания.

68. Резюмируя, Суд не считает, что обстоятельства данного дела позволяют прийти к выводу о наличии в страданиях заявителей, которым просто было известно о сложных условиях хранения тел их

родственников, аспекта или стороны, которые бы отличали их от эмоциональных страданий, которые неизбежно возникли бы у любого члена семьи погибшего человека в схожей ситуации. Таким образом, Суд не может прийти к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в данном деле.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

69. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители также жаловались на отказ властей вернуть тела их погибших родственников. Данная норма Конвенции гласит:

Статья 8 Конвенции

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

А. Доводы сторон

70. Государство-ответчик утверждало, что решение о невозвращении тел родственников заявителей было принято в соответствии с Законом «О противодействии терроризму», Законом «О погребении и похоронном деле» и было обоснованным, с учетом аргументов, изложенных в Постановлении Конституционного Суда от 28 июня 2007 г. (см. *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 125). Все заявители получили официальное уведомление и ответы от властей, их доступ к суду в связи с рассматриваемыми решениями не был ограничен.

71. Заявители указали, что отказ властей вернуть тела был незаконным и непропорциональным. Во-первых, они утверждали, что отказ был незаконным в связи с тем, что по постановлению Конституционного Суда власти были обязаны дождаться окончания расследования до принятия решения о том, возвращать ли тела; очевидно, что власти не выполнили эту обязанность. Во-вторых, законодательные определения «терроризма», «террористической деятельности» и «террористического акта» отличаются неточностью, а также в законе имеется неопределенность в отношении порядка кремации (заявители жаловались, что их родственники были кремированы, а не захоронены), конкретного должностного лица, уполномоченного принимать данное решение, возможности его обжаловать, позиции о сообщении даты захоронения и о соблюдении обрядов в ходе похорон. В-третьих, они утверждали, что данная мера была непропорциональна, так как ни в одной европейской стране не существует аналогичного законодательства; хотя в Израиле ранее существовала такая административная практика, с тех пор она была осуждена израильскими судами; такое обращение запрещено международным гуманитарным правом; властям были доступны другие менее ограничительные меры в решении проблем, связанных с терроризмом. Кроме того, они утверждали, что рассматриваемый закон носит дискриминационный характер. Заявители также жаловались на то,

что имеющаяся правовая система не давала им эффективных средств правовой защиты для обжалования решения о невыдаче тел.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

72. Суд заключает в отношении этой части жалобы, что она не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Применима ли статья 8 в настоящем деле

73. Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике по статье 8 понятия «частной жизни» и «семейной жизни» широки и не подлежат исчерпывающему определению (см., например, *Pretty v. the United Kingdom*, № 2346/02, § 61, ECHR 2002-III). В делах *Pannullo and Forte v. France* (№ 37794/97, §§35-36, ECHR 2001-X) и *Girard v. France* (№ 22590/04, § 107, 30 июня 2011 г.) Суд признал, что чрезмерная задержка в возврате тела после вскрытия или биологических образцов после завершения соответствующего уголовного разбирательства является вмешательством в «частную жизнь» и в «семейную жизнь» выживших членов семьи. В деле *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden* (№ 61564/00, §24, ECHR 2006-I) Суд признал, что отказ передачи урны с прахом мужа заявительницы также может быть рассмотрен в рамках статьи 8. В заключение, в деле *Hadri-Vionnet v. Switzerland* (№ 55525/00, § 52, 14 февраля 2008 г.) Суд счел, что возможность заявительницы присутствовать на похоронах ее мертворожденного ребенка, а также при сопутствующих процедурах передачи [тела] и церемониальных мероприятиях, также может попадать в сферу и «частной», и «семейной» жизни по смыслу статьи 8.

74. Во-первых, Суд отмечает, что государство-ответчик не оспаривало, что постановление от 15 мая 2006 г. о невыдаче тел являлось вмешательством в право заявителей на [уважение] частной и семейной жизни, защищаемое статьей 8 Конвенции.

75. Суд далее отмечает, что 15 мая 2006 г. по завершении следственных действий в отношении тел погибших следователь постановил не возвращать тела заявителям, а захоронить их без указания места захоронения (см. пункт 34 выше). Это постановление было принято в соответствии с п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., и ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле», которые предписывают компетентным органом не выдавать тела террористов, которые погибли в результате пресечения террористического акта.

76. Рассмотрев применимое национальное законодательство, Суд отмечает, что в России родственникам умершего, желающим организовать погребение, законодательно гарантировано быстрое возвращение тела для захоронения после установления причины смерти. На них также распространяется правовой режим, наделяющий их правом исполнить волеизъявление умершего в отношении погребения или принять решение о том, как будет совершаться погребение; в обоих случаях ограничения могут быть наложены только в связи с нормами безопасности и санитарными требованиями (см. части 3-8 Закона «О

погребении и похоронном деле» в деле *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65).

77. С учетом изложенного, Суд отмечает, что отказ властей вернуть тела родственников заявителей со ссылкой на ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле» и п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. представлял собой исключение из общего правила и явно лишал заявителей возможности организовать и принять участие в захоронении тел их сыновей, а также узнать место захоронения и в последующем посещать его.

78. Учитывая свою прецедентную практику и изложенные выше обстоятельства дела, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера являлась вмешательством в «частную жизнь» и «семейную жизнь» заявителей - за исключением девятнадцатой заявительницы – по смыслу статьи 8 Конвенции (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 123 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 212). Остается выяснить, было ли вмешательство оправданным, как того требует второй параграф данной нормы.

(b). Было ли вмешательство оправданным

(i) “Предусмотрено законом”

79. Согласно прецедентному праву Суда, выражение «предусмотрено законом» в пункте 2 статьи 8 требует, среди прочего, чтобы рассматриваемая мера была основана на национальном законодательстве (см., например, *Aleksandra Dmitriyeva v. Russia*, № 9390/05, §§ 104-07, 3 ноября 2011), а также отсылает к качеству рассматриваемого законодательства, требуя, чтобы оно было доступным лицу, которого оно затрагивает, а результаты его применения были предсказуемы (см. *Rotaru v. Romania* [GC], № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V). Для того чтобы отвечать критерию предсказуемости, законодательство должно с достаточной степенью точности ставить условия, при которых возможно применение конкретной меры с тем, чтобы лица, которых оно затрагивает, могли – при необходимости воспользовавшись соответствующей консультацией – определять свое поведение.

80. Суд отмечает, что рассматриваемая мера была принята в соответствии с положениями Закона «О противодействии терроризму», Закона «О погребении и похоронном деле» и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., которое гласит, что «[тело] террориста, смерть которого наступила в результате пресечения совершенной им террористической акции» не передается для захоронения, место захоронения не разглашается.

81. Суд приходит к выводу о том, что в постановлениях от 13 апреля 2006 г. было четко установлено участие погибших родственников заявителей в нападении 13 октября 2005 г.; заявители это не оспаривают. На основании документов, находящихся в его распоряжении (см. пункты 22-29 выше), Суд считает доказанным, что отказ властей выдать тела родственников заявителей для захоронения был обоснован с точки зрения российского законодательства.

82. По мнению Суда, иные вопросы, касающиеся законности, а именно, вопрос о предсказуемости и четкости законодательных актов, и, в частности, об автоматическом характере нормы, предполагаемой нечеткости некоторых понятий и отсутствии судебного контроля, тесно связаны с вопросом пропорциональности и должны быть рассмотрены в качестве аспекта данного требования в рамках части 2 статьи 8

(*Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 127 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 216).

(ii) *Правомерная цель*

83. Суд отмечает, что в качестве обоснования данной меры государство-ответчик приводит Постановление Конституционного суда № 8-П от 28 июня 2007 г., в котором в отношении ст. 14.1 Закона «О погребении и похоронном деле» и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. указано, что принятие данной нормы обуславливают «интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей». Также в нем указано на необходимость «минимизации информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта». Более того, Конституционный суд указал, что «захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой - оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни».

84. С учетом вышеописанных пояснений, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера может считаться принятой в интересах национальной безопасности, в целях предотвращения беспорядков, для защиты прав и свобод других лиц.

85. Остается выяснить, была ли принятая мера «необходимой в демократическом обществе» для достижения заявленных целей.

(iii) *Необходимость в демократическом обществе*

(α) *Общие принципы*

86. Вмешательство будет считаться «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели, если оно предпринимается в ответ на «насущную социальную потребность» и, в частности, если оно пропорционально преследуемой правомерной цели и если причины, приведенные национальными властями в его обоснование «относимы и достаточны» (см., например, *Coster v. The United Kingdom* [GC], № 24876/94, § 104, 18 января 2001 г. и *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008).

87. Объект и цель Конвенции как международного договора в области права человека, который защищает права лиц на объективных основаниях (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], № 41615/07, § 145, ECHR 2010), диктуют необходимость толкования и применения ее норм таким образом, чтобы ее гарантии оставались эффективными на практике (см., среди других источников, *Artico v. Italy*, 13 мая 1980 г., § 33, Серии А №. 37). Таким образом, для обеспечения «уважения» частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 должны приниматься во внимание особенности каждого дела с тем, чтобы избежать механического применения национального законодательства в

конкретной ситуации (см., из недавних источников, *Nada v. Switzerland* [GC], № 10593/08, §§ 181-185, 12 сентября 2012 г.).

88. Суд ранее приходил к выводу о том, что для того, чтобы мера рассматривалась в качестве пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, необходимо исключить возможность применения альтернативной меры, которая причинила бы меньший вред рассматриваемому основополагающему праву, но, в то же время, достигла бы той же цели (см. *Nada*, цит. выше, § 183).

89. Окончательная оценка того, является ли вмешательство необходимым, остается в ведении Суда, который устанавливает его соответствие требованиями Конвенции. Компетентные власти государства наделяются в этом отношении свободой усмотрения. Ширина свободы усмотрения может различаться; она зависит от ряда факторов, в том числе, от характера конвенционного права, которое было затронуто, его важности для лица, характера вмешательства и цели, которое преследовало вмешательство (см. *S. and Marper*, цит. выше, § 102). Суд неоднократно подчеркивал, что он понимает, что терроризм и насилие, связанное с терроризмом, представляет для государств особую угрозу (см., *mutatis mutandis*, *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 ноября 1988 г., § 61, Серии А no. 145-B; *Öcalan v. Turkey* [GC], № 46221/99, §§ 104, 192-196, ECHR 2005-IV; *Ramirez Sanchez v. France* [GC], № 59450/00, §§ 115-116, ECHR 2006-IX; и *Finogenov and Others v. Russia*, №№ 18299/03 и 27311/03, § 212, ECHR 2011 (выдержки)). Свобода усмотрения, как правило, будет более узкой в тех случаях, когда речь идет о праве, позволяющем лицу эффективно пользоваться личными или ключевыми правами (см. *Connors v. the United Kingdom*, № 66746/01, § 82, 27 мая 2004 г., а также содержащиеся в указанном постановлении ссылки). Когда речь идет об особенно важной составляющей существования или личности заявителя свобода усмотрения государства будет ограничена (см. *Evans v. the United Kingdom* [GC], № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I).

(β) Применение указанных принципов

90. Для того чтобы ответить на вопрос о том, были ли меры, принятые в отношении заявителей и касающиеся тел их погибших родственников, пропорциональными правомерной цели, которую они предположительно преследовали, а также о том, были ли причины, приведенные национальными властями «относимыми и достаточными», Суд должен выяснить, уделили ли российские власти достаточно внимания особому характеру дела, а также была ли принятая мера обоснована с учетом соответствующих обстоятельств дела и свободы усмотрения властей.

91. Для этого Суд готов учесть обстоятельства, имевшие место до принятия постановления от 15 мая 2006 г., а также тот факт, что риск новых нападений или столкновений между различными этническими и религиозными группами, проживающими в г. Нальчике, был достаточно серьезным. Однако применение рассматриваемой меры должно иметь убедительное объяснение и обоснование в каждом конкретном деле (см., *mutatis mutandis*, *Nada*, цит. выше, § 186).

92. В отношении критики со стороны заявителей, касающейся чрезмерной широты некоторых понятий и других предполагаемых дефектов применимого законодательства, Суд изначально отмечает, что при рассмотрении индивидуальных жалоб в его задачи, как правило, не входит абстрактная оценка применимого законодательства или конкретной практики. Вместо этого он по мере возможности должен

сосредоточиться на рассмотрении вопросов, поднятых в рассматриваемом им деле, не теряя при этом из виду общий контекст. Поэтому в данном деле задачей Суда является не оценка соответствия Конвенции указанной нормы *in abstracto*, а определение, *in concreto*, влияния рассматриваемого вмешательства на частную и семейную жизнь заявителей (см., в качестве недавнего источника, *Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey* [GC], no. 13279/05, §§ 68-70, 20 октября 2011 г.).

93. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в результате принятия постановления от 15 мая 2006 г. заявители были лишены возможности, в иных случаях гарантированной близким родственникам любого погибшего человека в России, организовать и принять участие в захоронении тел погибших членов их семей, а также знать о месте захоронения и посещать его в дальнейшем (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65). Суд полагает, что вмешательство в право заявителей, гарантированное статьей 8, имевшее место в результате применения указанной меры, было особенно суровым в виду того, что оно сделало их участие в соответствующих обрядах захоронения абсолютно невозможным, а также предполагало запрет на разглашение местонахождения могилы, что навсегда разорвало все связи между заявителями и местонахождением останков погибших. В этом отношении Суд также ссылается на практику различных международных инстанций, которые в делах, касающихся применения схожих мер, сочли такое вмешательство в права заявителей особенно суровым (см. *Sabanchiyeva and Others*, cited above, §§ 91-96 выше).

94. Суд далее отмечает, что следствие установило, что погибшие лица, на которых указывали заявители, принимали участие в вооруженном сопротивлении и совершили террористическое нападение на г. Нальчик 13 октября 2005 г. (см. пункт 22-29 выше). Изучив материалы дела, Суд готов использовать эти выводы о фактах в своем дальнейшем анализе.

95. С учетом характера действий погибших, обстоятельств их смерти и исключительно сложного этнического и религиозного контекста в этом регионе России, Суд не исключает, что возможно прийти к выводу о том, что меры, ограничивающие права заявителей, связанные с организацией захоронения погибших, могли быть оправданы, согласно статье 8 Конвенции, и могли преследовать цели, названные государством-ответчиком (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §140; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 230).

96. В принципе Суд может согласиться с тем, что в зависимости от конкретного места, в котором было запланировано проведение обрядов и захоронения, в виду характера и последствий деятельности погибших и других относимых факторов, связанных с контекстом, разумно было бы ожидать от властей вмешательства с целью предотвращения возможных беспорядков или незаконных действий со стороны лиц, поддерживающих цели и деятельность погибших или противостоящих им, которые могли быть совершены в ходе или после соответствующих обрядов, а также с целью решения других проблем, которые могли бы возникнуть в этом отношении, названных государством-ответчиком.

97. Суд также может согласиться с тем, что при осуществлении соответствующего вмешательства власти были вправе действовать таким образом, чтобы минимизировать информационные и психологические последствия террористического акта для населения, оберегая при этом чувства родственников жертв террористических актов. Такое вмешательство, безусловно, могло ограничить возможность

заявителей выбрать время, место и способ проведения соответствующих похоронных обрядов и захоронения или даже напрямую их регулировать.

98. В то же время, Суду сложно согласиться с тем, что какая-либо из заявленных целей способна оправдать все аспекты рассматриваемой меры. В частности, он не видит в этих целях разумного основания для полного лишения заявителей возможности участвовать в соответствующих похоронных обрядах или хотя бы в какой-то форме попрощаться с погибшими.

99. Суд приходит к выводу о том, что власти не провели какой-либо оценки в этом отношении в настоящем деле. В действительности, компетентное должностное лицо приняло решение не на основании оценки обстоятельств конкретного дела и не провело какого-либо анализа, в котором были бы учтены индивидуальные обстоятельства каждого из погибших и членов их семей (см. пункт 34 выше). Причиной этому было то, что применимое законодательство не рассматривало эти обстоятельства в качестве относимых, а решение от 15 мая 2006 г. было принято исключительно автоматически. Учитывая значение, которое данное ограничение имело для заявителей, Суд считает, что «автоматический» характер решения противоречит обязательству государства по статье 8 по проявлению должной заботы о том, чтобы любое вмешательство в право на уважение частой и семейной жизни было обоснованным и пропорциональным с учетом конкретных обстоятельств каждого дела (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §144; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 235).

100. Суд напоминает, что для того, чтобы действовать в соответствии с требованием о пропорциональности, предусмотренным статьей 8, власти в первую очередь должны исключить возможность применения альтернативных мер, которые причинили бы меньший вред затрагиваемому фундаментальному праву, достигнув при этом той же цели. Мера, принятая в отсутствие такого индивидуализированного подхода, в основном выступает в качестве наказания для заявителей, так как перекладывает на родственников и членов семей погибших бремя негативных последствий деятельности последних (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §145; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 236).

101. Таким образом, с учетом автоматического характера меры, а также несоблюдения властями принципа пропорциональности, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера не отвечала требованию о справедливом балансе между правом заявителей на защиту частной и семейной жизни с одной стороны, и правомерными целями [защиты] общественной безопасности, предотвращения беспорядков и защиты прав и свободы других лиц, с другой стороны, а также что государство-ответчик перешло границы допустимой свободы усмотрения в этом отношении.

102. Следовательно, в отношении заявителей имело место нарушение права на уважение частной и семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, в результате вынесения постановления от 15 мая 2006 г.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

103. Ссылаясь на статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции, заявители также жаловались на отсутствие эффективного средства правовой защиты от отказа властей вернуть тела их погибших родственников.

Статья 13 Конвенции

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

104. Государство-ответчик указало, что заявители получили официальное уведомление и ответы от властей; их доступ к суду в связи с рассматриваемыми решениями не ограничивался.

А. Приемлемость

105. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дело

1. Применимые принципы

106. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для целей обжалования нарушений конвенционных прав и свобод. Поэтому, хотя государствам-участникам и предоставляется некоторая свобода усмотрения в вопросе о способе исполнения их обязательства по данной статье, на национальном уровне должно существовать средство правовой защиты, позволяющее уполномоченному органу рассмотреть жалобу на нарушение конвенционного права по существу и при необходимости восстановить права [заявителя]. Объем обязательств в рамках статьи 13 различается в зависимости от характера жалобы заявителя по Конвенции, но в любом случае средство правовой защиты должно быть «эффективным» как на практике, так и с точки зрения закона; в частности, действия или бездействие властей государства не должно необоснованно ограничивать возможность его использования (см. *Büyükdag v. Turkey*, № 28340/95, § 64, 21 декабря 2000 г., а также дела процитированные в данном постановлении, в особенности, *Aksoy*, цит. выше, § 95). В некоторых случаях, общеправовые средства правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством, могут соответствовать требованиям статьи 13 (см., в частности, *Leander v. Sweden*, 26 марта 1987 г., § 77, Серии А no. 116).

107. В то же время статья 13 требует создания в рамках национального законодательства средств правовой защиты только в отношении тех жалоб, которые могут быть признаны «доказуемыми» в терминологии Конвенции (см., например, *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 April 1988, § 54, Series A no. 131). Она не гарантирует средство правовой защиты, которое бы позволяло обжаловать в государственных органах законодательство государств-участников на основании его несоответствия Конвенции (см. *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, 25 марта 1993 г., § 40, Серии А no. 247-C); она лишь призвана обеспечить, чтобы в национальном правовом порядке каждый, имеющий доказуемую жалобу на нарушение конвенционного права имел доступ к эффективному средству правовой защиты (*ibid.*, § 39).

2. Применение указанных принципов в настоящем деле

108. По мнению Суда, с учетом его вывода о приемлемости жалобы по статье 8 (см. пункт 72 выше), данная жалоба была доказуемой. Таким образом, остается выяснить, предоставляло ли российское законодательство заявителям доступ к эффективному средству правовой защиты, к которому они могли бы обратиться с жалобой о нарушении их конвенционных прав.

109. С учетом обстоятельств дела, Суд отмечает отсутствие эффективного судебного контроля в отношении постановления от 15 мая 2006 г. Стороны признают, что после вынесения Конституционным судом Постановлений № 8-П от 28 июня 2007 г. и № 16-П от 14 июля 2011 ситуация в некоторой степени улучшилась. Тем не менее, в ходе разбирательства на национальном уровне заявителям отказывали в предоставлении копии постановления от 15 мая 2006 г., и даже после упомянутых изменений суды были вправе оценить только формальную законность меры, но не необходимость принятия данной меры как таковой (см. пункты 44-46 выше). В этом отношении Суд приходит к выводу о том, что соответствующее законодательство не предоставляло заявителям достаточных процессуальных гарантий против произвола (см., *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 153-156 и *Maskhadova and Others* цит. выше, §§ 244-246).

110. С учетом данных обстоятельств Суд приходит к выводу о том, что у заявителей не было эффективной возможности обжаловать постановление от 15 мая 2006 г. в результате ряда факторов и что у заявителей не было доступа к эффективному средству правовой защиты в отношении нарушений Конвенции, на которые они жаловались.

111. Соответственно Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 9 КОНВЕНЦИИ

112. В дополнение к своим доводам в рамках статьи 8 Конвенции заявители также утверждали, что отказ властей вернуть тела их родственников нарушало статьи 3 и 9 Конвенции.

113. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

114. Суд полагает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела и оснований, которые привели его к выводу о нарушении статьи 8 и статьи 13 в совокупности со статьей 8, нет необходимости рассматривать те же факты с точки зрения статей 3 и 9 (см. также *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 157 и 158; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 248-249).

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

115. Заявители полагали, что отказ властей вернуть тела их родственников являлся дискриминацией, так как рассматриваемое законодательство было направлено исключительно на лиц, исповедующих ислам. Они ссылались на статью 14 Конвенции, которая гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

116. Государство-ответчик оспаривало эти доводы и утверждало, что рассматриваемое постановление не было дискриминационным.

117. Рассмотрев материалы, представленные сторонами, Суд не обнаружил подтверждения тому, что рассматриваемое законодательство было направлено исключительно против последователей ислама, или тому, что заявительница подверглась иному обращению, чем лица в схожей ситуации, исключительно на основании религиозной принадлежности или этнического происхождения (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 162 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 253).

118. Таким образом, Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы явно необоснованна и должна быть отклонена в согласно статье 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

119. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

А. Вред

120. Заявители утверждали, что им был причинен очень серьезный моральный вред; каждый требовал компенсации в размере 20 000 евро. Они также требовали, чтобы Суд обязал государство-ответчика передать останки их родственников членам их семей или раскрыть информацию об обстоятельствах их захоронения, в том числе, о местонахождении могил, а также отменить рассматриваемое национальное законодательство.

121. Государство-ответчик утверждало, что эти требования необоснованны и чрезмерны в целом.

122. Суд полагает, что с учетом обстоятельств данного дела, вывод о нарушении статьи 8 Конвенции в отдельности, а также в совокупности со статьей 13 является достаточной справедливой компенсацией для заявителей.

В. Расходы и издержки

123. Заявители требовали компенсации расходов в размере 8 018 евро, понесенных в ходе разбирательства в г. Страсбурге.

124. Государство-ответчик утверждало, что заявленные суммы слишком велики и необоснованны.

125. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель вправе требовать возмещения расходов и издержек только в той степени, в которой он доказал, что они действительно были понесены и были необходимы, а их размер разумен. С учетом документов, находящихся в его распоряжении, Суд считает разумным присудить им 8 018 евро плюс любой налог, взимаемый с этой суммы. Согласно желанию заявителей,

данная сумма должна быть выплачена организации «Правовая инициатива по России» напрямую.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

126. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

В СВЯЗИ С ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ СУД

1. Единогласно *объявляет приемлемыми* жалобы заявителей на нарушение статей 3 и 9 Конвенции, а также их жалобы на нарушение статьи 8 в отдельности и в совокупности со статьей 13 Конвенции в связи с отказом вернуть тела их родственников, а оставшуюся часть жалобы – неприемлемой;
2. Единогласно *признает*, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями, в которых тела погибших хранились и предъявлялись для опознания;
3. *Признает* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении заявителей в связи с постановлением от 15 мая 2006 г.;
4. Единогласно *признает*, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении постановления 15 мая 2006 г.;
5. Единогласно *признает*, что с учетом выводов, к которым он пришел в рамках статей 8 и 13 Конвенции, нет необходимости отдельно рассматривать дело в свете статей 3 и 9 Конвенции;
6. Единогласно *признает*,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям в качестве компенсации расходов и издержек 8 018 евро (восемь тысяч восемнадцать евро), а также сумму налогов, которые могут быть начислены на указанные суммы; выплаты необходимо произвести на банковский счет в Нидерландах, указанный представителями заявителей;

(b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

7. Единогласно *отклоняет* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 16 января 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен Изабель
Секретарь Секции Председатель

Берро-Лефевр

Согласно статье 45 § 2 Конвенции и Регламенту Суда к настоящему постановлению прилагаются особое мнение судьи Дедова.

И.Б.Л.
С.Н.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Я не разделяю мнение большинства по статье 8 Конвенции, по причинам, указанным в Особом общем мнении судей Гаджиева и Дедова в деле *Sabanchiyeva and Others v. Russia*.